
К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ
ПИСЬМА
ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1955

З. С. Соколова

МАРИЯ ПЕТРОВНА ЛИЛИНА

(Глава из воспоминаний)¹

VII

В 1899 г. Константин Сергеевич писал:

«Г-жа Лилина в моих глазах обладает двумя редкими и дорогими артистическими качествами. Первое из них — чуткость, второе — художественная простота. При известном темпераменте, которым несомненно обладает артистка, при ее уме и вкусе, эти два ее достоинства подают большие надежды на то, что из г-жи Лилиной выработается артистка своеобразная, очень оригинальная, могущая занять на драматических подмостках такое же почетное место, какое занимает на оперных сценах художница Ван-Зандт»².

Первая наша встреча с Марией Петровной Перевощиковой, будущей артисткой Лилиной и женой моего брата Константина Сергеевича, была на симфоническом концерте. Встретились мы на ступеньках между колоннами, ведущими в большой зал. Познакомил нас с Марией Петровной, уже знакомый нам брат ее, Петр Петрович. Перевощикова недавно вернулась из Парижа, где пробыла около двух лет. В черном изящном парижском платье, с красным цветком на груди, хрупкая, с мелкими чертами лица, очень розовенькая, с завитыми в мелкие колечки и приклеенными ко лбу локонами, она щебетала то по-французски, то по-русски. Показалась она нам наивной и не понравилась, произвела впечатление светской куколки.

Нечего и говорить, что первое впечатление оказалось неверным; при короткой встрече мы не могли угадать ни яркого таланта ее, ни ума, ни таких свойств ее натуры, как незлобивость, доброжелательное отношение ко всем людям, родным, чужим, знакомым и незнакомым. В молодые годы ее настроение было всегда ровным, спокойным, всегда она была приветлива и весела. Когда она вошла в семью Алексеевых, неудивительно, что все ее оценили и полюбили, в том числе и я.

Мария Петровна Перевощикова родилась 22 июня 1866 г. У ее отца, Петра Дмитриевича Перевощикова, была в Москве нотариальная контора. В доме Перевощиковых всегда было полно гостей.

¹ Настоящая глава воспоминаний З. С. Соколовой касается лишь некоторых черт жизни и творчества Лилиной. О М. П. Лилиной см. статьи Н. Д. Волкова в сборнике «Мастера МХАТ» (М., 1939) и В. Я. Виленкина в «Ежегоднике МХАТ за 1943 г.»

² К. С. Станиславский. Художественные записи. М., 1939, стр. 67—68.

В школьные годы Мария Петровна жила и воспитывалась в Московском Екатерининском институте. Окончила его в 1883 г.

За год или полтора до смерти Марии Петровны я решила записать с ее слов о ее молодых годах и домашней жизни. Она охотно согласилась. Тогда она уже часто проводила дни в постели — хворала. Я приходила к ней с тетрадкой и карандашом, но это продолжалось всего три дня. Ей стало хуже — болела нога, и она не захотела рассказывать дальше.

Вот что я успела записать:

«В первый раз в жизни выступала я на сцене в институте, в пьесе на французском языке. Я изображала сельского учителя-старика, грузного, который колотил ребят и больше всего на свете любил свой огород и овощи. На сцене появлялась с кочаном капусты подмышкой. В этом же спектакле играла другую роль, тоже мужскую. Водевиль назывался «Беда от нежного сердца». Я была во фраке, перешитом из фрака моего брата. Играла живого, подвижного, влюбчивого молодого человека. Очень хорошо, когда садилась, откидывала фалды фрака, чтобы не помять их. Меня осыпали большими похвалами. Уже тогда во мне проявлялась склонность к характерности.

Брат мой Петя был знаком с семьей Шлезингер, особенно с молодым Шлезингером, Николаем Карповичем, и его сестрой. Николай Карпович был знаком с Алексеевыми: через него Петя и друг его Преображенский приняли участие в кружке для чтения и изучения Шекспира. Члены кружка иногда собирались у Константина Сергеевича Алексеева.

В 1884 г. затевался любительский спектакль в доме Алексеевых. Константин Сергеевич приехал к нам, чтобы пригласить меня участвовать в пьесе «Шалость». Спектакль состоялся, но предназначенную мне роль играла Анна Сергеевна. Почему так произошло, не помню уже. После этого Константин Сергеевич года два не был у нас. Константин Сергеевич всем нам очень понравился, а папа дразнил меня им.

Я была пепиньеркой в нашем институте, готовилась стать в нем классной дамой. Затем уехала на год к тете в Петербург. Тетя жила со своей сестрой. Тетушки любили играть в карты. Мне было у них очень скучно. Одна из тетюшек меня очень любила и мечтала выдать замуж. Здесь-то я и получила письмо от брата, который писал мне, что если я хочу попробовать свои силы на театральных подмостках, — есть возможность. Константин Сергеевич устраивает любительский спектакль. Пойдет пьеса «Баловень», комедия в трех действиях Виктора Крылова. «Приезжай».

Я уехала в Москву и участвовала в спектакле. Играла Таню, одетая в мордовскую рубашку. В то время Константин Сергеевич был директором Русского музыкального общества. Сбор со спектакля поступал в пользу общежития учащихся консерватории. Спектакль был в театре «Парадиз» на Большой Никитской. Полный успех! Константин Сергеевич играл одного из женихов Фрезе. Я играла

М. П. Лулина.

1895 г.

под придуманной Шенбергом фамилией «Лилина». Во время представления «Баловня» Нюша¹ с восторгом прибежала ко мне за кулисы. Парадиз предлагал мне вступить в его труппу, если я хорошо владею немецким языком. Предлагал очень высокую ставку. Я не пошла.

Возвратившись в Москву, я стала в своем институте классной дамой. Поэтому играть приходилось тайком. Однако через некоторое время о моих выступлениях узнала начальница. Классная дама института — актриса!! Мне пришлось уйти, проститься навсегда с педагогической работой.

Папа заметил, что мне нравится Константин Сергеевич, и дразнил, меня тем, что Константин Сергеевич женится на Сорокоумовской. Вскоре отец мой умер, а Константин Сергеевич просил меня вступить в Общество искусства и литературы. Я согласилась и сыграла там «Коварство и любовь» 23 апреля 1889 г., а 5 июня того же года венчалась с Константином Сергеевичем в Любимовской церкви».

К сожалению, на этом обрываются мои записки воспоминаний Марии Петровны.

Когда Маруся дала слово Косте быть его женой, мы с мужем получили от него следующую записку:

«Костенька и Зиновиха, жаль, что не могу лично сообщить Вам свою радостную новость, но уверенный в том, что Вы примете ее за шутку, если не услышите от меня подтверждения, я спешу уведомить Вас, что я влюблен и женюсь на Перевощиковой, конечно, главным образом для того, чтобы заручиться актрисой для нашей труппы.

Ваш Кокося».

Вслед за этим получила письмо от мамы из Москвы: мы жили уже в Любимовке.

«Дорогая моя Зинуша, поздравляю тебя и Костеньку с братом-женихом. Наш Кокося, благодаря господа, женится на Марье Петровне Перевощиковой, значит совсем доигрался, так и быть должно, всегда последствием сцены какой-либо брак. Рада ли ты этому так же, как и мы? Скажи! Приезжайте к папане 15-го мая обедать, я думаю невеста тоже будет у нас обедать, тогда совсем познакомитесь. Вовочка² еще не может свыкнуться с мыслью, что Кокося женится. Думаем через неделю переехать в Любимовку. Здоровы ли вы все, все так же ли бегают Зюля³ везде. Нюша переехала вчера, т. е. четверг, я просила ее про нашу свадьбу сообщить тебе и Косте, так что может тебе уже не новость будет это теперь узнать из моего письма.

Целую всех вас крепко и остаюсь любящая вас

Маманя.

12 мая, 4 часа 45 мин. ночи»

¹ А. С. Алексеева.

² В. С. Алексеев.

³ З. К. Соколова.

Женитьба Кости была приятной неожиданностью для моих родителей. Их очень беспокоило, что Володя, Ньюша и я были уже женаты и замужем, а Костя никак не думал о женитьбе, ни за кем не ухаживал — ушел всецело в деятельность в Обществе искусства и литературы. Родители боялись, что он останется бессемейным человеком, а для них «семья» была главным смыслом жизни. Костя же бывал у Перевошиковых, но никогда дома не упоминал об этой семье, или лишь изредка в его разговоре бегло мелькало имя Марии Петровны как участницы в водевиле или комедии. В первый раз Мария Петровна была у нас в доме на спектакле «Лили» и была захвачена этим спектаклем, в восторге от него. Тогда никто из нас не обратил на нее внимания: мы, молодежь, были за кулисами, родители занимались почетными гостями. Кроме Кости, никто и не знал о появлении в зрительном зале Марии Петровны Перевошиковой.

Огромную роль в любви Константина Сергеевича сыграли талантливость, артистичность Марии Петровны. Их связала крепкими узами не одна любовь, но и искусство, творчество, сценическая одаренность каждого. Любовь эта оставалась единственной у Кости до конца дней его.

Он нравился многим девушкам. На него смотрели то с восторгом, то с мольбой, но он как-то особенно корректно держался с ними, выражение лица его становилось серьезно холодным, бесстрастным; он делал вид, что ничего не замечает и не понимает. Он всю жизнь называл подлостью флирт и неглубокую любовь. В старости, если ему напоминали об увлекавшихся им женщинах, он добродушно-удивленно говорил: «А разве я ей нравился?» или как-то по-детски улыбался и добродушно рассказывал что-нибудь смешное из той поры.

Второе наше свидание с Марией Петровной, теперь уже невестой брата, было за семейным обедом в день рождения моего отца.

Маруся Перевошикова была в легком сером платье, веселая, но сдержанная. Брат Костя был весел, с размякшими чувствами, лицо улыбалось, сияло, он словно даже помолодел, стал «мальчиком». Родители тоже сияли, грели взглядами и Костю и Марусю. Косте хотелось, чтобы все скорее полюбили его невесту, чтобы скорее она стала для всех нас «своею». Для родителей она стала своей с первого взгляда, так рады они были этой помолвке, так довольны тем, что Костя нашел свое счастье, что, наконец, у него будет своя семья. Про себя я этого не могу сказать. Костя просил всех нас говорить Марусе «ты», я делала это и все-таки не чувствовала в душе ничего, кроме пытливого недоверия к избраннице брата. Хотя я и не протестовала внутренне против женитьбы Кости, Маруся казалась мне «светской», т. е., по моим тогдашним понятиям, пустой, прикрытой внешним лоском. Мне тогда не приходило в голову, что внешний лоск может иногда прикрывать не одну пустоту, но ум, и талант, и богатое внутреннее содержание. Извинением мне может служить то, что относительно многих светских своих знакомых я не ошибалась: их внешний лоск, действительно, прикрывал пустоту. Сколько я знала светских «барышень» и «кавадеров», бывавших у нас на балах, у ко-

торых за душой ничего не было. Повторяю, я была тогда по-молодому прямолинейна.

Через несколько дней после описанного обеда я шла по Любимовскому парку и увидела Костю с Марусей на лужайке близ реки. Маруся, видимо, чем-то весело дразнила Костю, порхала по лужайке и старалась, подпрыгнув, снять с него соломенную шляпу. Наконец, она схватила шляпу и кинула ее в реку. Костя вскочил в лодку, старался веслом поймать шляпу. Маруся задорно улыбалась, но заметно было, несколько сконфузилась, увидя меня. Этот задор и смех я тогда сочла за кокетливость и только позднее стала мне ясна эта сцена, когда я узнала натуру, свойства Маруси. Она была тогда счастлива, ей было безумно весело среди природы, с любимым человеком, и она безотчетно, без рассуждения отдавалась своей веселости, не думая о кокетстве, она через край была радостна, счастлива, она жила минутой!

В первый же год после выхода замуж, или в начале второго, у Маруси и Кости родилась дочь. Для Кости появление Ксении дало совершенно новые переживания. Появились несвойственные ему заботы.

Через три месяца Ксения умерла от воспаления легких. Костя был в это время, как всегда, безумно занят, была спешная режиссерская и актерская работа. Он был скрытен и ничего не говорил о горестных переживаниях, вызванных в нем утратой дочери. Через несколько дней после смерти ребенка жизнь театра, казалось, опять захватила его всецело. Однако он мучительно переживал смерть дочери. Это видно из письма, которое он написал мне много лет спустя.

Вот выдержка из этого письма:

«Ты одна среди степей и лесов, не отдавая отчета в том, что происходит с дочерью, — я дважды испытал это в Москве, переполненной докторами и аптеками, и каждый час ожидания доктора казался мне томительной вечностью. Я почувствовал тогда, что от такого состояния можно поседеть. Это было при смерти Ксении и дифтерите Киры».

Костя написал эти строки по следующему поводу. У моей дочери, болевшей воспалением легких, сделался сердечный припадок как раз в то время, когда мой муж уехал верст за двадцать от нашего хутора, чтобы участвовать в спектакле для крестьян. Мой муж был опытным врачом, и можно себе представить, как нетерпеливо ждала я его возвращения.

К младшим детям — Кире и Игорю — брат Костя относился заботливо, нежно, но из-за занятости ему мало приходилось быть с детьми. Он любил детскую непосредственность и часто сам смеялся и радовался детским выдумкам, как ребенок. Костя очень любил наблюдать за психологией детей вообще. Уже стариком, когда он сидел во дворе, его часто окружали дети соседей и его смех от детских выдумок и разговоров заражал других своей непосредственностью.

Мама понимала горе Маруси-матери и сильно возмущалась Костей за то, что он оставляет ее одну во время таких тяжелых переживаний. — «Ни одного вечера

«Коварство и любовь» Ф. Шиллера.

Фердинанд — К. С. Станиславский, Луиза — М. П. Лилина

Общество искусства и литературы, 1889 г.

нет для жены!» Маруся всегда заступалась за Костю. Она старалась убедить маму, что от его отсутствия будет тормозиться дело, что труппа не виновата, если у режиссера семейное горе. Она без оговорок оправдывала Костю и его преданность делу, но маму ничего не переубеждало.

По девочке Маруся, видимо, очень грустила, целыми днями бродила одна по лесу. Она не жаловалась, не плакала, она затаила горе в себе.

Время шло, и мое первое впечатление от Марии Петровны сменилось чувством расположения, а потом и любви. Я полюбила ее за благородство души, за талант, за то, что она была хорошим товарищем, делила с товарищами по сцене их печали и радости, интересовалась ими и их успехами. Она могла быть подчас очень, очень доброй. Была не тщеславна, сценический успех не кружил ей головы. Ни при каких семейных обстоятельствах, радостных или печальных, не мешала она Косте в его творческой работе, не ревновала его к этой работе. К тому же она была незлобива и доброжелательна. В молодые годы была всегда весела, спокойна, приветлива и ровна. Угрюмости в ней не было совершенно. К старости ее характер стал менее ровным. Чувствовалось, что люди надоедают ей, утомляют, может быть, было так потому, что сил физических стало у нее меньше. Но и в старости доброжелательство было ее привлекательной чертой. Когда другие нападали на кого-нибудь, возмущались кем-либо, она старалась смягчить нападающего: «Ну уж, вы слишком нападаете на N! Так ли это?» Как часто, когда я была кем-нибудь из молодых артистов недовольна, она мне говорила: «Ну, Зина, ты уж слишком требуешь от них». Я ни разу не подметила у нее желания возбудить в других недоброе чувство против кого бы то ни было.

Но все это не самое главное в образе Марии Петровны. Самое главное я уловила уже после смерти брата Кости, когда начала работать с ней по режиссуре («Вишневый сад») ¹. Только тогда я поняла ее вполне.

У Марии Петровны было исключительное свойство: она не умела, так сказать, делиться, а жила большей частью каким-либо одним захватившим ее чувством, одной мыслью. Это проявлялось и в житейских делах и в профессиональной работе. Она была заботливая мать, но когда творила, все прочее, в том числе и материнская заботливость, отходило на задний план. Это свойство помогало ей перевоплощаться на сцене.

Незадолго до смерти Мария Петровна получила письмо от воспитанницы того класса, где она была пединсеркой, о которой она не знала ничего уже несколько лет. Как обрадовалась она письму! В нем упоминалось, чем была для класса М. П. Перовщикова, как любили ее девочки. Она забыла свои страдания и сияющая, помолодевшая, зажила институтскими интересами девичьих лет! Передо мной на постели лежала не угасающая Мария Петровна, а молодая, радостная, полная юных интересов и шалостей Маруся Перовщикова.

Слушая чей-нибудь рассказ, она остро переживала то, о чем рассказывали. Выражение ее лица поднимало настроение у рассказчика, а ее неожиданный короткий смешок был увлекательно выразителен и на сцене, и в жизни.

¹ Постановка «Вишневого сада» Чехова в Оперно-драматической студии К. С. Станиславского (режиссеры М. П. Лилина и З. С. Соколова) не была доведена до конца из-за начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войны.

У Марии Петровны было яркое воображение, и возникавшие в ее сознании, помимо ее воли, образы всецело овладевали ею. Она обладала свойством сосредоточивать в каждый данный момент все свое внимание на одном чувстве, мысли или образе. Эти черты помогали ей в творчестве, давали ей возможность играть такие разнообразные роли, как Аня в «Вишневом саду», Снегурочка, дурочка Мария Тимофеевна в «Бесах», Лиза Бенш в «Михаиле Крамере», роль старой Карпухиной в «Дядюшкином сне».

Во всех этих разнообразных ролях она преображалась не только внешне, она и внутренне, духовно и душевно перевоплощалась в лицо, которое изображала, переживала во всю силу и радостное и мучительное своих ролей. Она прожила не одну жизнь, но столько жизней, сколько создала ролей. А сколько жизней прожила она, ставя «Вишневый сад», переживая жизнь каждой роли!

Вот как сама Мария Петровна писала о роли Наташи в «Трех сестрах». Читая эти заметки, вы чувствуете, что она не только рассказывает, она живет жизнью Наташи. Она вся в роли, о которой говорит:

«Из первых трех ролей, которые я играла в пьесе А. П. Чехова, Наташа — моя любимая роль. Если Константин Сергеевич в своей книге «Работа актера над собой» был так добр и называл меня своей «любимой ученицей», то я должна прибавить к этому, что материал, над которым мне впервые пришлось работать в Художественном театре, т. е. роли Маши в «Чайке», Сони в «Дяде Ване» и Наташи в «Трех сестрах», помог мне своею реальностью и жизненностью заслужить эту оценку.

Как актриса я выросла на чеховских ролях. В четырех пьесах Антона Павловича я сыграла семь ролей: в «Чайке» — Машу и Нину Заречную, в «Дяде Ване» — Соню, в «Трех сестрах» — Наташу и Ольгу, в «Вишневом саду» — Аню и Варю.

Мои первые чеховские роли — Маша, Соня и Наташа — не схожи между собой и дали мне возможность не только не повторяться, но показать разнообразие моих артистических данных. Критики удивлялись, как наряду с почти небесным образом Сони, говорящей об ангелах и алмазах, в Лилиной может «гнездиться» такая пошлячка, как Наташа, которая поднимает скандал из-за того, что в столовой в полночь горит свеча, а в саду на лавке валяется вилка. Другие же критики не могли допустить, что такая завзятая мерзавка, как Наташа (я лично такой ее не считаю), может «перерождаться» в самоотверженную, любвеобильную Соню...

Я очень люблю роли с остротой и потому предпочитаю Машу в «Чайке» и Наташу в «Трех сестрах» трогательной, милой Соне в «Дяде Ване». Ролью Наташи, любимой моей ролью, я занималась исключительно с К. С. Станиславским.

Меня совсем не влекло к ролям «Трех сестер». Ольга казалась скучной (эту роль чудесно исполняла М. Г. Савицкая), Маша была мне просто не по плечу

(коронная роль О. Л. Книппер), Ирина — мила, нежна, чудесна, но вечно мечтать о несбыточном не в моем характере. Эту роль исполняла М. Ф. Андреева и была в ней очаровательна.

Итак, я с упоением занялась Наташей и подошла к ней исключительно от характерности. В тот период вся наша труппа с К. С. Станиславским увлекалась характерностью. Принести на репетицию какую-нибудь характерную черточку для своей роли считалось похвальным достижением.

Сперва искалась внешняя характерность. Наташа — провинциалка, очевидно не дворянского происхождения. Маша сразу характеризует ее пошленькой и безвкусной. Вот уже ключ к роли, и начинаешь искать эту пошлость и в себе и в окружающих, но главным образом и беспощадно — в себе.

Мне кажется, что из всех ролей моих Наташа была самая законченная, самая цельная. С первых же слов: «Нянечка, я опоздала», до последних: «Зачем тут на скамье валяется вилка», я ни на секунду не теряла задуманного образа.

Константин Сергеевич, Антон Павлович и товарищи любили меня в этой роли.

Константин Сергеевич внес в мою роль массу подробностей, которые не были отмечены у А. П. Чехова, и роль стала после этого необыкновенно выпуклой и яркой. Уже со второго акта чувствовалось, что сестрам не поздоровится от такой невестки, а между тем все, что я делала в Наташе, было необыкновенно просто и естественно. Если в первом акте я краснела и конфузилась до испарины от большого непривычного аристократического общества, во главе с бароном, и мне импонировало здороваться с ним за руку, то во втором действии я с полным спокойствием и даже гордостью сушила в гостиной у печки пеленки и распашонки наследника Бобика, Андрюше, мужу, заказывала простоквашу для здоровья и ехала с легким сердцем прокатиться с Протопоповым, чтобы выпросить для Андрюши повышение по службе.

В третьем акте Наташа входит к сестрам, которых она втиснула из-за Бобика в одну комнату, уже полновластной хозяйкой, позванивает связкой мелких ключей в руках: тут ключи от сахара, чая, вина, сладостей. Народу полон дом. От городского пожара все сбегается к ним. Она этим очень гордится, но надо присмотреть, чтобы лишнего расхода не было. По дороге попалась ничего не делающая нянюшка, — ей влетело. Это направлено не против самой няни. Наташа ничего не имеет против нее, но няня старая, а потому лишняя.

Олю Наташа очень уважает и набирается у нее хорошего тона. Зовет ее Оленькой, но когда Софочка подрастет, поступит в гимназию, Наташа будет ее бояться. Какой замечательный мазок, какую тонкую подробность внес в роль Константин Сергеевич этим мазком!

В книге «Моя жизнь в искусстве», в главе «Линия интуиции и чувства», Константин Сергеевич говорит: «Я не берусь описывать спектакли чеховских пьес, так как это невозможно. Их прелесть в том, что не передается словами, а скрыто под ними или в паузах, или во взглядах актеров, в изучении их внутреннего чув-

ства. При этом оживают и мертвые предметы на сцене, и самое настроение пьесы и всего спектакля»¹.

И вот эти паузы, взгляды, неуловимые блески Константин Сергеевич мастерски подсказывал нам.

Все репетиции чеховских пьес были сплошным наслаждением, приобщали к самой гуще жизни. Все участвовавшие находили даже, что репетиции интереснее самих спектаклей.

В четвертом акте Наташа доходит до апогея своей власти в доме. Ольга уже не живет в доме, Ирина завтра уезжает на завод. «Завтра я одна тут, велю прежде всего срубить эту еловую аллею и вот этот клен, по вечерам он такой некрасивый, а здесь я везде велю посадить цветочков, и будет запах»... Какая необъяснимая пошлость в этих словах: «и будет запах» — опять яркий мазок.

Когда я говорила эти слова, мне всегда представлялось, что Наташа мечтает о том летнем вечере, когда она около этих цветочков будет пить чай с Протопоповым и ее ноздри будут грациозно раздуваться от запаха табачных цветов. Эти мечты заставляют ее пойти в дом, сесть за рояль и сыграть «Молитву девы». Потом она опять выскочила в сад, увидела вилку, которая валяется на скамье (вероятно, прислуга кормила Софочку или Бобика), и пошлая ее натура не выдержала, забыла и радость полновластия, и поэзию запретной любви, и она разразилась мещанской истерикой.

Текст роли Наташи не велик — подтекст ее был для меня огромный, и я могла бы написать об этом целый том.

Играли мы «Трех сестер» очень долго, последние мои спектакли в «Трех сестрах» были в Загребе и в Париже. Но в Париже, к сожалению, мне пришлось играть роль Ольги: я заменила выступавшую в ней В. Н. Пашенную»².

* * *

Привожу мое письмо, которое было послано Станиславскому и Лилиной через двадцать пять лет их брака. Жизнь проверила их союз. Я, близко знавшая их, в этом письме старалась беспристрастно подвести итог их жизни и итог личности каждого из них.

«5 июля 1914 года. Москва

Дорогие Костя и Маруся.

Сегодня день вашей серебряной свадьбы, хочется окликнуть вас и пожелать вам красивой, яркой осени. Нежна весна ваша была, красиво лето, но и осень бывает не менее красива со своими золотыми и красными листьями при ярком

¹ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве, глава «Линия интуиции и чувства», стр. 220.

² Артистка Малого театра В. Н. Пашенная принимала участие в поездке Художественного театра (1922—1924) в Западную Европу и в Америку и исполняла роли Ольги («Три сестры»), Ирины («Царь Федор Иоаннович»), Василисы («На дне»).

солнце! Только бы солнце не скрылось для осени вашей! Счастливы вы, что выполняете лучшее назначение человека на земле — вносить красоту в жизнь и не только в круг близких вам людей, но и в духовную жизнь России и отчасти за пределы ее. Ваша совместная жизнь протекает не даром. Радуюсь, что от многих терний избавила вас судьба, дав возможность отдаваться любимому художественному творчеству, да еще совместно. Много вам было дано и не зарыли вы данное вам в мелочи жизни, не втиснули в узкие рамки обыденщины. Я не отрицаю, что были и горькие минуты, была и борьба, ломка, но жизнь очень милостива была к вам, соединив именно вас друг с другом. Маруся никогда не стояла на пути твоих стремлений, ни в первые годы совместной жизни вашей, ни после. Ты мог всецело отдаваться творчеству, мелочи жизни отстранялись ею от тебя и дорого особенно то, что устраивала так жизнь не только как любимая женщина, но и как любящая дело твое, стремления твои. Софья Андреевна Толстая тоже охраняла Льва Николаевича, но охрана эта так мучительно ложилась на душу Льва Николаевича, не было созвучия в главном — говорили на разных языках.

А сколько своего творчества вложила Маруся в дело твое и какого художественного! Большое счастье и в том, что ты шел навстречу ее дарованию. Ведь многие выдающиеся люди проглядывают дарование близких женщин, видя их назначение только в семье и для семьи. Конечно, верю, что и при плохих условиях ты, Костя, пробились бы, но сколько бы сил даром было убито, времени! Да и разница: работать, творить со спокойной душой или с измученной, с мечом в руке, с тысячью мучительных неотложных вопросов. Вот почему, не признавая вообще серебряных свадеб и считая это, так сказать, делом интимным, вас мне хочется окликнуть и порадоваться, сказать вам, что переполняет душу, так как в вашем союзе не одно интимное — союз ваш слишком большую роль сыграл в жизни современников, да и современников ли только? Благо, что ты избрал себе спутницей Марусю Перевошикову, благо для тебя, нас, общества и для крупного марусино таланта! [...] Вспоминается мама, ее слова, ее грустные слова: «Маруся вечно одна ... молодая, любящая и никогда не видит мужа. Хоть бы она вечер, два настояла ей отдавать. Словно кружок (искусства и литературы) дороже ему жены! И никогда она не пожалуется — сама грустная, а говорит, что ей не скучно одной». Теперь мама взяла бы, конечно, обратно свои слова, чувство личного дало бы место иному, а мама именно такой человек была — она из-за маленьких детей жила мелочами, но иногда могла попирать все мелочи, ломать рамки и становиться выше их. Не находишь ли огромного сходства с Елизаветой Прокофьевной¹ [...]

Желаю вам сил, бодрости и подъема в творчестве. Помните мысль Льва Николаевича Толстого — с каждым днем тело разрушается и умирает, а дух рождается и растет».

¹ Персонаж в «Идиоте» Ф. М. Достоевского.